

Иван МАКАРОВ

ОСТОРОЖНО! ЗЛАЯ СОБАКА!

(Из смешных историй не очень давнего прошлого)

Все едино...

Так или приблизительно так учил, кажется, древний греческий философ Парменид: все едино. Есть одно, есть другое, но одно по отдельности, по различности от другого об этом самом другом свидетельствует. Одно о другом, другое снова о другом и так далее, но когда-нибудь круг же должен же будет замкнуться? И – все едино.

Так не стоит ли нам все примирить? Так не да здравствуют ли и то и другое?

Еще многие ученые люди об этом говорили...

...Интересно, что они теперь об этом думают?

И что об этом думает древний греческий философ Парменид?

...Одно, другое, единое... Парменид, философия какая-то... Что за чепуха лезет иногда к бедному человеку в голову!

Призрачно суетное существование. Что мы такое? Ничего. Фантомы и миражи. Дым от огня. Тень от дыма.

Один фантом плюс один фантом – два фантома.

Один мираж плюс один мираж – одни миражи.

Двое нас. Я и собака.

Животное видит меня, ощущает. Значит, я есть?

Условие существования: свидетельство.

Кто-то видит: кто-то существует.

Собаку я на улице нашел. Или она меня нашла.

Бедный барбос потерял своих настоящих хозяев.

Кто потерял собаку? И почему потерял?

И вообще, зачем все так часто теряется, и зачем мы сами то и дело теряемся в снежной или осенней мгле?

Вечер был холодный, ветреный, и пес увязался за мной.

Я этого не хотел, глупое животное само увязалось. Я его не стал гнать и в конце концов даже немного ему повистел.

Пес был на вид породистый: хвост пушистый, и уши довольно благородно висели. Правда, я не могу сказать, какой именно он был породы.

Не знаю я всех собачьих пород. Хотя меня и удивляет их разнообразие. Странно даже, как столь различные существа, болонка, например, и московская сторожевая могут быть одновременно собаками...

Странно, впрочем, что и такие разные люди, как Давид и Голиаф, например, могут принадлежать к одному и тому же биологическому виду...

Иван Макаров родился в 1957 году в Москве. Окончил химико-технологический институт и заочно литинститут им. Горького. Работал инженером, слесарем, дворником, сторожем и т.д. Публиковался в журналах и альманахах «Новый мир», «Знамя», «Юность», «Поэзия», «День поэзии», «Плавающий мост», «Крещатик», «Нева» и др. В 2006 году вышла книга стихов. Живет в Калужской области. В «Волге» публикуется с 2017 года.

Или даже такие непохожие, как Альфонсо Кихано и Дон Кихот, как Савл и Павел, могут быть одной и той же особью, одним и тем же человеком...

Приведенный домой барбос недоверчиво обнюхал мою конуру, ступая осторожно, как будто пол был холодный.

Вот, подумал я, подобрал собачку... Зачем? Станный с моей стороны поступок. Собак я не люблю, к сентиментальности не склонен. Подумаешь, потерялась, замерзла, голодная, свободная. Разве она одна такая? Мог мимо пройти и никогда б не вспомнил.

Был некто, серый, как мышь, жил среди пролетариев, сам пролетарий... Пролетарий среди пролетариев... Всем пролетариям пролетарий...

Пролетарий это вовсе не тот, кто одни только цепи имеет. Это доктора выдумали. Пролетарий – это тот, чья жизнь разделена и разъята: на свою и чужую. Чужую на работе и на свою собственную, оставшуюся, которая и есть жизнь сама по себе.

А от этой раздвоенности и несвободы – рефлексия, неудовлетворенность, и что хуже всего – мечтательность. Абстрактность и умозрительность.

Оттого-то и происходят у пролетариев чаще, чем у прочих, разные психические и нервные расстройства, срывы и просто пьянство. Свободы хочется. А ее нет. Остается задумываться.

Был некто, серый, как мышь, жил среди пролетариев, сам пролетарий, на заводе работал технологом...

Это я. Таков уж есть. Ничего не поделаешь.

Жизнь мою можно назвать неудавшейся.

Пороха я не выдумал. Быть обласканным жизнью не умел.

Жил «как все»: бедно.

Даже, может быть, немного более бедно.

И оттого одиноко. По-пролетарски.

Как-то не все сложилось у меня в нашем категорическом социуме. Может быть, мой резкий и несносный характер тому виной, может, что иное, может, судьба. Не знаю.

Да и не хочу ничего объяснять. Не нужно и не важно.

И бывал я, каюсь, немного озлоблен на все человечество.

Но теперь это, кажется, уже в прошлом. Я давно уже всем все простил.

И пролетарство свое. И обманутые надежды.

Мне, собственно, немного надо: жить дайте.

Но жизнь идет естественным порядком. Будущее туманно, и даже самому удивительно, как я стал в последнее время грустен и одинок, не верится даже, сколько было в моей жизни удивительных дней и ночей, счастливых минут, подвигов, радостей и образцово-показательных застолий...

Правда, надежды на лучшее я все рано не теряю. Вот и собака пристала. Пожалуй, она, кстати прихлалась. Одиному человеку жизнь все больше кажется сном, а с собакой я стал как-то ощущать себя, свое присутствие. Один фантом плюс один фантом...

Я вонзил свое новое животное гулять, и даже не забывал кормить чем бог послал.

И мое питание от этого улучшилось. Если раньше я мог об этом мало заботиться и обходиться чем попало, то теперь на мне лежало бремя заботы о другом существе. Станешь варить собаке, заодно и себе сварить. Хотя чаще нам на двоих чего-нибудь одного хватало. У нас и вкусы оказались похожи. Или у меня собачий.

Я нашел оставшийся у меня с давних пор поводок с ошейником и вывел своего нового друга гулять...

Да, да... Была уже когда-то в моей жизни собака. Милая, скучная, беспардонная и бесполезная тварь.

Наверно, теперь та собака давно околела, а может быть, ее кто-нибудь в виде шапки носит.

Та собака была не моя, я б, наверно, даже обиделся, если б кто-нибудь сказал, что у меня может быть такая плохая собака... Грешен, ту собаку я не любил.

Но прекрасна была ее хозяйка.

Чудесная девочка, она так же, как и я, неважно себя чувствовала в нашей партизанско-пролетарской действительности, она даже в семье своей девочкой чужой казалась.

Уж не знаю, как и зачем я терпел общество такого бестолкового зверя. Глупое животное все время зевало. Я отворачивался, чтоб не видеть. Зевает собачка. Скучно ей!

Но девочка любила свое четвероногое, и мне приходилось мириться с его существованием...

Все проходит. У нее теперь, наверно, совсем другая собака, а мне остался от них только поводок с ошейником.

Итак, прицепив ошейник к барбусу, я с ним выходил. Мой новый друг, впрочем, и без поводка возвращался. Он где-то бегал, чего-то искал, может быть, прежних своих хозяев искал. Не найдя, возвращался ко мне, виляя хвостом неуверенно и виновато. Видно было, что он грустил от неожиданной перемены декораций в театре его жизни. Но я ему в душу не лез.

Назвал я пса Рэди. Он, хоть и не сразу, привык и стал откликаться.

Глупое, конечно, имя. В английском смысле: I am ready или: Ready? – Go!

...В средней школе меня учили по-французски. В технологическом институте, к которому я затем-то учился, по-английски... Теперь недоумеваю: зачем? Зачем это мне? С кем разговаривать? Разве только собак называть? Да и не выучился по-настоящему. Теперь отдельные слова только торчат в мозгах, как пни в недовырубленном лесу.

К новой жизни пес, кажется, не очень легко привыкал и ко мне не слишком привязывался. Кажется, я только заменял ему его настоящее, которого он вдруг лишился. Но меня это заботило мало. Каждый волен думать и чувствовать, что он хочет.

К тому же я сам чувствовал себя почти волком, и определенная в этом смысле родственность откладывала на наши отношения свой отпечаток: иногда мы неслышно друг на друга рычали.

Конечно, мы друг к другу самые лучшие чувства испытывали, но безо всяких собачьих нежностей. Я в его душу собачью не лез, полную душевную автономию предоставлял: лай как знаешь. Но и свою внутреннюю свободу, последнее достояние пролетария, ревностно оберегал. Часто, когда пес испытывал особенно сильную потребность в человеческом тепле, внимании и заботе, я довольно холодно говорил: «А пошел ты!..» И отворачивался: не люблю излишеств.

И все же с собакой мне было, конечно, и легче, и веселее. На свете много собак. А у меня раньше собаки не было. Хоть сам лай. Сам и лаял.

А теперь вечер, мелкий дождь, фонари кое-где горят. И два фантома идут по улице: я и собака.

Для чего человек приручает животных? Очень просто. Чтоб в известное время съесть. Живые консервы: утки, курицы, коровы, бараны.

Есть, правда, и рабочие животные: лошади и слоны.

И собаки служат. И охотники, и сторожа. И людей сторожат, и от людей сторожат. И наркотики ищут. И ездят на них, и возят. И слепых они водят, и стада пасут.

А в Австралии до колонизации собак вместо одежды использовали (другой одежды не знали). Брали австралийские женщины живую собаку за задние ноги, и так ходили. Для тепла.

А еще бывают собаки – живые снаряды, выученные с зарядом на танки бросаться...

А у нас, знаю (сколько раз наблюдал), часто-часто держат животных за преданность и бессловесность. Чтобы был рядом кто-нибудь раз и навсегда зависимый и бесправный... Но при этом любят их, конечно, а как же...

Говорят, сладость власти. Понимаю. И, может быть, даже сочувствую. Но мне никакой власти над собакой, ни над кем другим не надо было. А тем более над собакой. И «хозяином» я себя ни сколько не чувствовал. Просто тащил пса за собой по холодной пустыне жизни.

Конечно, я рад бывал, когда пес, набегавшись, сам ко мне возвращался. Но только в практическом смысле, не надо было искать его, глупо крича: Рэди, Рэди...

А пес он был хороший, забавный.

Правда, я давно уже заметил, что в забавности собак нет ничего забавного для них самих. Смеша нас, они сами ничего смешного в этом не находят. Чувства юмора у них нет. То есть, конечно, они, играя с нами радуются, но это совсем другая радость: службы, любви, выполнения предназначения. И они так внимательны, и все время чего-то ждут. А это что-то все не происходит и не происходит.

Но и без чувства юмора мой барбос был славный.

– Рэди, – говорил я, – кошка!

Рэди вставал в охотничью стойку, поднимал уши и начинал искать, и ему неловко было, что он не может найти. Сказано же было: кошка...

Иногда он начинал вдруг ни с того ни с сего (как мне казалось) громко лаять.

– Рэди, – говорил я ему, – прекрати. Бессмысленный и беспорядочный лай не украшает собаку.

Собаки двойко живут. В двух измерениях: с нами, с людьми, и с себе подобными.

Гуляя, они гораздо ближе успевают познакомиться, чем их хозяева. А когда их много гуляет, у них своя социальная жизнь начинается: и любовь, и нелюбовь, и ревность, и мелкое самолюбие.

Собачьи хозяева при этом и сами непременно как-то друг к другу относятся, и не совсем равнодушно порой, но своим четвероногим ревниво сопереживают.

Я, правда, грешным делом, этого собачьего общества не люблю, характер у меня плохой, необщительный... Да и разговоры у них какие-то специфические.

– Наша Вега болела долго, уши у нее болели, к ветеринару ходили, уколы делали, столько денег отдали... А у вас не болел он?

– Как же, – отвечаю, – болел. Триппером и трихомониазом...

Или:

– А чем вы его кормите?

– Знаете, больше сослуживцами, товарищами по работе, кто зазевается. Отвариваю в собственном соку и даю понемногу...

– Ой, да вы шутите... А песик такой хороший...

Раньше я на собак мало внимания обращал. Собаки и собаки, пес с ними, а теперь стал внимательней, и много обнаружилось замечательного и занимательного в их собачьей жизни. Самая, кажется, простая и естественная у собак вещь: обнюхивание. А какие и тут возникают коллизии! Например, здоровенная овчарка и мелкая лохматая дрянь дружелюбно знакомятся и, конечно, начинают кружиться: хвост к голове. Но вот они все ускоряются, как будто кто за кем гонится, как будто большая собака хочет маленькую проглотить, благо пасть ее совсем не намного меньше, чем вся маленькая собака целиком. А на самом деле никакой агрессии нет. Простое знакомство. Все дело в соотношении величин. Большая только поворачивается к хвосту маленькой, а маленькой за хвостом большой приходится уже бежать, тогда большая снова поворачивается к хвосту маленькой, и так они до скорости волчка разгоняются.

А однажды, помню, видел и слышал, приличная старушка тащит на поводке пушистую суку-афганку. А она с лаечкой-кобелем никак расстаться не хочет. Дама ее уговаривает:

– Я понимаю, возраст, конечно, любви не помеха, и все же пойдем домой...

Хуже всего, когда собака где-нибудь выкупается. Выйдя на берег, довольное животное останавливается рядом и немедленно начинает отряхиваться. И вся вода на тебя летит, и не отгонишь сразу: делает вид, что не понимает.

Рэди, правда, ничего такого не проделывал, такой холодной осенью, какая была, даже собаки не купаются. Это я про ту собаку вспомнил, которая теперь неизвестно где.

А самое мучительное в собачьей жизни знаете что? Самое простое. Если не верите, на себе проверьте. Это «гулять» два раза в день, утром и вечером. И не тогда, когда захочется, а ждать, пока выведут

...Много отдельных слов я на чужих языках знаю. Всех в городе собак хватит назвать. Само собой иногда всплывает в памяти.

Помню, в школе учили стихотворение. Про разбитую скрипку, начинается так: Viens, mon chien, viens, ma pauvre bête – Идем, мой пес, идем, мой бедный зверь...

Дальше там все грустно и трогательно. Враги напали на родину музыканта, и заставляют его играть танцы. Он отказался, тогда они его скрипку разбили... И пошел он со своей собачкой... Viens mon chien... Ничего: винтовка в моих руках заменит разбитую скрипку.

Кажется, это Беранже написал...

Там еще были замечательные слова: courage aisé – мужество утраченное, которое возвращает человеку враг – которого надо выгнать (l'ennemi qu'il faut qu'on chasse) – он скрипку разбил...

Почему это все вспомнилось? Из-за собаки? Или просто потому, что давно, в детстве учили, когда запоминается?

А вообще к свиньям собачьим чужие слова! У Некрасова, помните:

*Не торопись, мой верный пес,
Зачем на грудь ко мне скакать,
Еще успеем мы стрелять...*

Так-то! Может быть, еще успеем... – Утешительно звучит.

В осенней городской пустыне глас вопиющего пролетария...

Ничего, уговаривал я то ли себя, то ли собаку, все устроится. Осень пройдет и зима. Весной ты как корова, будешь траву жрать, шерсть у тебя сначала вылезет, потом заблестит... А летом мы поедим в какую-нибудь Тьму Тараканью... Есть ведь где-нибудь на этой планете и для нас какая-нибудь Тьма Тараканья...

Но весны еще далеко было. Еще и зима не вполне началась.

Однажды иду по улице. Без собаки, один. Поздно уже. Устал за день. Сейчас, думаю, выведу собаку и лягу. Остановился прикурить и нечаянно прочел на столбе объявление. Несвежее уже, дождем помытое: пропала собака-кобель... Все сходится – уши, масть, хвост... Вознаграждение гарантируется.

Сам не знаю зачем, записал телефон.

Пришел, прогулял барбоса, дал ему колбасы.

– Что, – спрашиваю, – пойдем тебя возвращать?

Смотрит на меня идиотским благодарным взглядом. Не понимает. Думает, наверно, что я опять рассуждаю о приручении человеком животных в качестве живых консервов. Плохо разбивает связную речь.

Почему-то я все же забеспокоился. Нехорошо, думаю, чужую собаку держать. Каких-то детей плачущих себе вообразил. Оплакали, поди, уже своего ненаглядного Трезора... Может быть, и на живодерню ездили... Вдруг и в самом деле про него объявление? Вернуть? Да и зачем он мне, честно говоря? Дом сторожить?

На другой день решил позвонить. Там видно будет.

Позвонил. Слышно было плохо. Все же договорились встретиться.

Женщина за собакой пришла молодая, красивая, только, может быть, слишком худая.

– Ваш песик?

Можно было и не спрашивать!

Барбос завизжал, запрыгал, все лицо ей облизал. И хвостом вилял так, что меня чуть с ног не сбил.

– Хорошая, – говорю, – собачка, злая. Жалко даже отдавать.

Мы немного постояли, поговорили. О чем? Да ни о чем. Обо всем сразу. И ей рассказал, между прочим, все, что знаю о приручении человеком животных с древнейших времен в качестве друзей, помощников и живых консервов. И об австралийских женщинах, которые живых собак на себе вместо платьев носили.

Кажется, она не поверила. Смеялась, и мне нравилось смотреть, как она смеется.

Пес во время разговора вокруг нее прыгал и дико визжал от радости.

Потом успокоился немного, а я, наоборот, разволновался, я на его хозяйку смотрю: прекрасна, как смертельный и равнодушный песок пустынь. И как прохлада. И как звезда. Далекая и бесполезная. И платье в меру длинное, и на женщин других не похожа...

В детстве, помню, видел замечательную сценку в каком-то кино. Расставание. Кто-то уходит, кто-то остается, а собака между ними. Не может решиться, с кем ей быть. Вдруг, думаю, и сейчас что-нибудь подобное будет? Она пойдет пса уводить, а он начнет метаться между нами, ни с кем расставаться не соглашаясь... Будет жалобно скулить, не понимая, почему такие хорошие и близкие ему люди идут в разные стороны, и решительно требуя, чтобы все обязательно были вместе...

Женщина на собаке поводок стала менять.

– Как вас зовут?

(Болван, только догадался спросить!)

– Лена.

(А пса, оказывается, Лордом звали. Идиотское название, но что поделаешь.)

– Ну, идем, Лорд, – говорит она ему. И мне: – Спасибо вам.

Я закурил.

– Вы не курите?

– Нет, бросила... Ну, ладно, до свидания...

Рэди-Лорд мне тоже приветливо хвостом помахал, будто приглашая за него порадоваться: вот, смотри, искал и искал, и нашел... Есть все же в жизни справедливость.

– Подождите, – Лена говорит, – простите, забыла... Вознаграждение гарантируется...

Грустно мне сразу стало, неловко, уныло. Какие мы все, оказывается, на свете чужие и посторонние люди...

А она мне рубль протягивает. Бумажный. Желтый, как осенний лист. И смотрит с некоторым интересом. Может быть, я возмущаться начну или еще что-нибудь.

Но я не стал возмущаться. И даже не отказался. Взял рубль.

– До свидания... Только я еще спросить хотел, как он у вас потерялся? Может быть, убежал далеко?

– Да нет... Просто я с козлом одним нажралась до потери сознания... До свидания... Еще раз спасибо...

И ушла с Лордом, покачивая худыми бедрами. Шла – как танцевала.

В самом деле, чего-нибудь этот пес стоит? Безусловно, стоит. Но ведь не больше рубля? Безусловно, не больше. Это ему самая красная цена в самый базарный день.

У попа была кобыла,

Он ее любил,

Она съела кусок мыла,

Он ее убил.

Я шел домой, темно. Очень сырая и нервная стояла погода. Улицы были пьяным-пьяны и веселы каким-то тревожным нездоровым весельем. Лица, попадавшие мне на пути, были страстно-истерические. Или я их видел такими?

На лицах и куртках рьяных блестела дождевая вода.

Все казалось мне пиром во время чумы. По случаю пирровой какой-нибудь поэмы.

Пьяная баба села в грязь. Я хотел ей помочь, но пока подошел, она уже сама встала. Лицо ее было в грязи, глаза ничего не выражали. Шатаясь, она сделала несколько шагов и сказала, что желает всем здоровья и счастья.

Я добавил к полученному за собаку рублю еще один, железный, и пошел к пивной палатке, потом еще...

Стоя в очереди, я рассматривал собачий рубль. Вся желтизна песка и все золото осени было в этом уже порядочно помятом рубле, а в моем, железном, – только холодное серебро луны.

Ночью в старой газете я прочел на самом верху первой страницы:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

И то же самое еще на четырнадцати языках.

Когда уснул, видел сон про соединяющихся пролетариев.

Пролетарии, сказали, соединяйтесь. И они соединилась, склеились, слепились, спаялись. И разъединиться уж не могли.

Единство – это судьба. Так, кажется, говорил сократов духовный отец Парменид.

Соединившиеся, слипшиеся пролетарии имели невероятное число рук, ног, голов, глаз. Но руки, ноги и все остальное могли иметь свободными только пролетарии, оказавшиеся по краям. Те, кто попал в середину, пошевелить ничем уже не могли. Многих, наверно, вообще нельзя было увидеть снаружи.

– Пролетарий, – кричали мне, – иди к нам, соединиться!

– Пролетарии, – отвечал я, – побойтесь Бога! Высвободите хоть немного товарищей.

Какая-то пролетарка улыбалась мне некрасивым красным лицом.

Ни собак, никаких других животных рядом не было.

Собака лает, ветер носит... Одна было залаяла, и ветер унес ее вдаль... Собака предана, собака – друг, собака – чушь собачья... И я однажды на улице целую собаку нашел... И что же?.. Собаки бешеные со всех сторон... С цепи спустились, сорвались, бегают водобоязненные, пену роняя... А пролетариат – это зверь или клетка? Это цепь или это кто на цепи сидит?.. Выпьем за всеобщее одиночество, объединяющее пролетариев всех без исключения стран...

Ничего, девушка... Ничего... Все устроится, Леночка... Мы еще встретимся...

Мы обязательно встретимся...

Там?

Там вдали за рекой?

Неизвестно за какой?

За Яузой? Или за Клязьмой?